

УДК 81'27:004.7

DOI 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55

Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности

Наталья Г. Брагина

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Россия, Москва, natasha_bragina@mail.ru*

Елизавета В. Васютина

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Россия, Москва, lizavass18@yandex.ru*

Аннотация. Центральной проблемой статьи является языковое оформление современного речевого акта извинения в русской лингвокультуре. Нами проанализированы наиболее частотные клише извинения, среди которых встречаются как конвенциональные и привычные императивные, так и заимствованные. В статье также рассматривается специфика речевого жанра извинения и его популярная в последние годы реализация – видеоизвинения. Извинения на камеру возникают как один из жанров современной сетевой публичности. Они ритуализованы: в публичном извинении присутствуют устойчиво повторяющиеся речевые клише, монолог или диалог строятся по определенной схеме. Речевые клише становятся атрибутом извинения в силу стандартизации самого речевого акта, а также могут выбираться «автоматически» как готовое и самое подходящее языковое средство. В работе проанализированы два видеоизвинения: диалогическое и монологическое, – выявлены их отличительные черты.

Ключевые слова: речевой акт извинения, речевой жанр извинения, клише извинения, публичные извинения, сетевая публичность, видеоизвинения.

Для цитирования: Брагина Н.Г., Васютина Е.В. Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 8. С. 42–55. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55

Apology speech act in the context of modern online publicity

Natalia G. Bragina

*Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia, natasha_bragina@mail.ru*

Elizaveta V. Vasyutina

*Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia, lizavass18@yandex.ru*

Abstract. The main focus of the article is the verbal formulation of the modern speech act of apology in the Russian linguaculture. We analyzed the most frequent apology clichés, among which there are both conventional and customary imperative and borrowed. The article also considers the specifics of the speech genre of apology and its popular in recent years implementation of the video apology. On-camera apologizing arises as one of the genres of modern online publicity. They are ritualized: in public apologies there are persistent repetitive speech clichés, monologues or dialogues are built according to a certain pattern. Speech clichés become an attribute of apologies due to the standardization of the speech act itself, and can be chosen «automatically» as the ready and most suitable language. We analyzed two video apologies: dialogical and monological, and their distinctive features.

Keywords: apology speech act, apology speech genre, apology cliché, public apology, online publicity, video apology

For citation: Bragina, N.G. and Vasyutina, E.V. (2024), “Apology speech act in the context of modern online publicity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 42–55, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-42-55

Вступление

«Человек говорящий» и продукция его речи оказываются в центре современных лингвистических исследований, поэтому интересны исследования особенностей высказываний в конкретных коммуникативных ситуациях. Теория речевых актов, к которым мы обращаемся в настоящей статье, отвечает на данный научный интерес и изучает непосредственные механизмы передачи интенций от говорящего к слушающему в процессе коммуникации. При этом социокультурная значимость самих речевых актов может меняться под влиянием экстралингвистических условий. Ярким примером

таких изменений может служить речевой акт извинения, который приобретает новые формы, появляется новый жанр – извинения на камеру, или видеоизвинения, которые становятся в последнее время популярными и частотными. Видеоизвинения – это записанные на видео, публично предъявляемые и воспроизводимые, а иногда и тиражируемые в социальных сетях извинения. Они возникают как отдельный жанр современной сетевой публичности.

Видеоизвинения известных людей создают инфоповод, они обсуждаются в новостях, их комментируют в чатах социальных сетей. Их появление и популярность во многом обусловлена общими социокультурными процессами: развитием социальных сетей, серьезным образом изменивших сферу приватности. Видеоизвинения, с одной стороны, наследуют традиции публичного покаяния, публичного раскаяния, а с другой стороны, – являются следствием развития массмедийных связей, по сути дела поглощающих зону приватного, в которую традиционно включались личные дневники, диагнозы болезней, интимные отношения, непубличные извинения и многое другое. Такое поглощение в целом служит развитию сетевой публичности, которая, будучи массмедийным продуктом, основывается на стандартизации моделей речевого поведения. Речевой акт извинения, в частности, также подвергается стандартизации. Появляются, например, шуточные видео: как надо извиняться перед девушкой; как нужно добиваться извинения у девушки и, конечно, видео с извинениями известных людей.

Стандартизованные модели речевого поведения обеспечивают стандартизованными языковыми средствами – набором существующих речевых клише. Под речевыми клише понимаются одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, прагматически связанные с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций [Брагина 2023, с. 10].

Рассмотрим некоторые речевые клише, оформляющие извинение и являющиеся наиболее частотными в современной русской речевой коммуникации.

Русские речевые клише извинения: особенности функционирования

Вслед за классическими работами Дж. Серля мы рассматриваем извинение в качестве экспрессивного речевого акта с понятной иллокутивной целью: «выразить названное в условиях искренности состояние, связанное с обозначенным в пропозициональном

содержании положением вещей» [Searle 1982, p. 34]. Логично предполагать, что экспрессивный компонент данного речевого акта связан с сопровождающим чувством сожаления и раскаяния. Кроме того, из определения Серля следует, что извиняющийся должен искренне сожалеть о совершенном поступке. Если же компонент искренности отсутствует, речевой акт извинения превращается в буквальную противоположность, сарказм. Однако в более современных исследованиях высказываются точки зрения о полиинтенциональной, или «гибридной» иллокутивной природе речевого акта. Так, Р. Ратмайр считает, что извинение призвано «изменить сложившееся положение обиды посредством извинения, выраженного вербально» [Ратмайр 2018, с. 237], а Н.А. Трофимова предполагает, что оно интегрирует несколько интенций, включая директивную [Трофимова 2008]. Действительно, часто полноценное извинение предполагает еще некоторое количество коммуникативных намерений, к которым относятся оправдание, объяснение своего проступка, признание собственной вины, выражение обеспокоенности и так далее.

Стоит отметить, что вслед за Р. Ратмайр мы разграничиваем понятия «извинение-вежливость» и «извинение по существу». Первая группа вежливых извинений ситуативна и обусловлена социальным контекстом. Говорящий в данном случае извиняется за невежливый проступок (или который может быть потенциально расценен как невежливый) и стремится избежать социального неодобрения. Чаще всего вербальные реализации в таком случае будут наиболее стилистически нейтральными и дистанцированными (например, в русском языке – вежливая форма «Извините» второго лица множественного числа). «Извинения по существу» представляют из себя более развернутый речевой акт, который реализуется в ситуациях причинения серьезного материального или морального ущерба. Наиболее частотной формулой извинения-вежливости в русском языке являются конструкции «Извини(те) / Прости(те)», что подтверждают данные НКРЯ. Осуществляя поиск точных форм, мы получили следующие данные:

- словоформа «прости» встречается 10929 раз, «простите» – 12 592 раза;
- словоформа «извини» встречается 4061 раз, «извините» – 12 047 раз;
- сочетание «мне жаль», взятое для сопоставления частотности, встречается 1290 раз;
- перформативная формула «прошу прощения», взятая для сопоставления частотности, встречается 870 раз.

Отметим также, что в ситуациях покаяния, раскаяния, в обращениях к Богу, в молитвах возможно только «прости(те)»,

а не «извини(те)», ср.: *Простите меня, люди добрые! Господи, прости!* <...> *прости, Боже, преступления наша вольные и невольные* <...>. Это показывает, что в паре «извини(те)» – «прости(те)» первое имеет более этикетный, светский характер в сравнении со вторым.

В русской разговорной речи, особенно в речи молодежи и интернет-коммуникации, частотны также заимствованные / производные от заимствованных речевые клише «сорри» и «сорян». Их можно найти в Национальном корпусе русского языка, преимущественно в онлайн-статьях или материалах СМИ (лексема «сорри» встречается 161 раз) [Савчук и др. 2024]. В социальных сетях встречаются также варианты «сорюшки», «сорьки». Таким образом, можно отметить суффиксальный способ образования новых вариантов заимствованного слова и их последовательную русификацию.

В ситуации дружеского общения такие заимствованные формулы могут полностью замещать стилистически нейтральные формулы извинения-вежливости. Это объясняется, конечно, функционированием заимствований в современном русском языке (англицизмов, в частности). Они очень емкие и точные, а при дружеском и неформальном общении звучат менее официально, чем стандартные формулы «Прости/Извини», «Мне жаль» и др. Кроме того, заимствованные единицы не содержат коннотаций, свойственных русским речевым клише. То есть речевой акт извинения, начинающийся, например, со слова «Сорян» вряд ли предполагает интенцию покаяния, раскаяния, искреннего сожаления и так далее. Это, в частности, отмечают и интернет-пользователи, ср.:

- (1) Сначала люди, которым нужно извиниться, но трудно сказать «прости», замаскировали его под sorry. Но и этого оказалось мало. Тяжелое эго и скрываемое чувство вины превратили слово в сорян (А. Кудрявцев).
- (2) У соряна ещё есть пренебрежительный оттенок. Т. е. если «извините» – это когда человек реально смущён своим косяком, обычное sorry – для каких-то мелких ситуаций, то сорян – это когда человек сделал другому не очень хорошо, но либо не считает себя виноватым, либо ему наплевать на чувства другого, однако по этикету полагается извиниться. «Да, у меня есть любовник, и я к нему ухожу, сорян» (Л. Булгаков)¹.

В русском языке наиболее употребительными в речевом акте извинения остаются императивные клише, хотя существуют и другие

¹ Примеры взяты с сайта сайта: <https://yandex.ru/q/> «Откуда взялось слово “сорян”»? Орфография и пунктуация сохранены.

формы: «Мне жаль», «(Это) моя вина», «Виноват(а)», более старое заимствование «Пардон» и др.

Отметим, что использование императивных клише в речевом акте извинения типично для русского языка, хотя употребление императивных конструкций не является универсальной формой извинения. Например, в арабском языке наиболее частотна именная конструкция «أنا أسف».

Как отмечалось выше, в современном русском языке наблюдается также тенденция к использованию заимствований из английского (американского) языка. Они встречаются прежде всего в речевой коммуникации молодежи. Англицизмы присутствуют во многих современных языках, однако, степень их популярности различается. В арабском языке, например, совсем не отмечено актуальных речевых клише извинения, заимствованных из английского языка. В разговорном языке молодежи одной из самых частотных формул остается сокращенная «أسف», представляющая собой прилагательное. Вероятно, заимствование от английского «Sorry» неактуально для арабского языка, так как уже существует именная формула «أنا أسف», которая является самой частотной.

Речевой жанр видеоизвинения как разновидность сетевой публичности

Структура речевого акта извинения может расширяться до речевого жанра извинения и включать следующие элементы, соотносимые с социальной функцией извинения: иллокутивный акт (собственно извинение и выражение сожаления); пояснение или объяснение (объяснение причин или обстоятельств, приведших к совершению неправильного действия); признание вины (признание своей ответственности за произошедшее) и обещание исправиться (выражение намерения не повторять совершенную ошибку и изменить свое поведение). Под речевым жанром часто понимают совокупность нескольких речевых актов, которые объединены одной иллокутивной целью, а среди признаков называют целостность, экспрессию и воспроизводимую жанровую форму [Стексова 2023]. Следуя за этим определением, мы предполагаем, что современные видеоизвинения, набирающие популярность в русской лингво- и медиакультуре, становятся ярким примером формирования особого речевого жанра.

Видеоизвинения являются публичными извинениями, которые в свою очередь имеют ряд функциональных особенностей. Их можно рассматривать как один из жанров современной сетевой публичности.

Наиболее частыми причинами публичного извинения становятся такие коммуникативные феномены, как клевета, распространение слухов и диффамация. Помимо этого, в настоящее время публичные извинения приносят за поступки, не соответствующие моральным представлениям какой-либо социальной группы (например, принесение публичных извинений за грубое отношение или эксцентричное действие). Многие исследователи, в том числе и социологи, считают, что массовое распространение практики извинений на камеру обусловлено «формированием дискурса новой чувствительности», где одними из главных ценностей становятся чувства, эмоции и личные границы индивида. Среди этих чувств особо выделяются обида и уязвимость [Кошкарлова 2021, с. 55].

Собственно, видеоизвинения не так сильно отличаются от публичных извинений в своем прямом значении. Выделим их основные характеристики:

1) *нацеленность на аудиторию*. Принося публичное извинение, говорящий обращается к целому коллективу людей или обществу, которое осуждает (осудило) его слова или проступок. Такие извинения основываются на бинарной оппозиции «свой – чужие». Их причиной как раз служит диссимилиация провинившегося с какой-либо социальной группой и последующее обвинение с ее стороны. Заметим, что именно поэтому так часто в публичных извинениях применяется тактика сближения с аудиторией. В основе этой тактики лежит интенция продемонстрировать, что провинившийся – «свой» человек, не отрекающийся от социальной группы, понимающий неодобрение в свою сторону и признающий действующие порядки и нормы;

2) *ответная реакция аудитории*. И в случае традиционного извинения на публику, и в случае видеоизвинения говорящий может получить мгновенную (или практически мгновенную) ответную реакцию. В случае извинения на камеру это, конечно, комментарии под постом с видео или набирающий популярность жанр видеореакций, в которых автор говорит, верит ли он просмотренным извинениям.

3) *принудительность/добровольность*. Публичные извинения всегда являются вынужденными, поскольку говорящему надо исправить последствия произошедшего. Но они могут представлять собой монолог или речь, записанные добровольно, или же «покаяние на камеру» в более грубой форме. Такие извинения часто представляют собой записанные кем-то извинения, во время которых говорящий ведет диалог с неизвестным за камерой, отвечает на его вопросы и обвинения.

С лингвистической точки зрения публичные извинения – это яркий пример жанра покаяния. Действительно, в речи извиняющего часто эксплицированы моральные ценности, например сожаление («Я сожалею о содеянном»), почитание авторитетов («[Авторитетное лицо] был прав, когда обвинил меня...»), ассимиляция с группой («Я хочу доказать, что я достойный гражданин»). В аксиологическом пространстве «покаянных речей» также можно встретить и указание на антиценности: заблуждение, слушание, нарушение установленных норм. Стоит отметить, что исконно религиозный жанр покаяния, основными компонентами которого являются самобичевание и самоуничижение, претерпевает культурные изменения в XX в., когда публичные речи политизируются. Авторитеты сдвигаются из духовной сферы в политическую, концептуальным ядром данного речевого жанра становится предательство государства, идеологии, общественных моральных устоев.

Публичные извинения часто начинаются с ретроспективного взгляда на поступок говорящего. Его действия описываются как «безответственные», «эгоистичные», «глупые», «неправильные». Оценка направлена на прошедшие действия, и часто говорящим подчеркивается дистанция между его поступком в прошлом и эмоциями по поводу произошедшего в настоящем времени. Признание проступка или нарушения обязательны для публичного извинения. Далее говорящий может описать текущее состояние, акцентируя внимание на чувствах «стыда», «смущения», «сожаления» и «разочарования». Завершает хорошо продуманное публичное извинение «взгляд в будущее» – обещание не повторять совершенную ошибку.

Говоря о языковом выражении публичных извинений, которые часто являются подготовленным письменным извинением (речью), стоит отметить, что они воспроизводят несколько искусственный язык. Это объясняется их формальным характером и осторожностью говорящего. Принося публичное извинение, говорящий стремится сгладить острый конфликт, избежать нежелательных последствий и минимизировать отрицательную реакцию большого количества людей. Именно направленность на аудиторию может быть решающим фактором в выборе тактики публичного извинения. В таком случае нет одного слушающего, с которым можно установить личные отношения, опираясь на контекст взаимодействия, поэтому в публичных извинениях часто используются общепринятые речевые клише.

Другая важная черта публичного извинения – интенция принятия ответственности за совершенные действия. Человек признает свою причастность к какому-либо проступку или происшествию, которое вызывало отрицательную реакцию общественности. Акт публичного извинения может быть продолжен актом возмещения.

Публичные извинения – это такие события, которые требуют продуманной подготовки. Многие цели определяют их структуру и форму. В их числе – цель речевого акта, а также подходящие речевые тактики и их регулярные вербальные реализации. Под ними мы понимаем речевые клише, «нейтральное понятие, имеющее информативно-необходимый характер и относящееся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [Кошкарлова 2020, с. 220].

Как мы упомянули выше, публичные извинения часто формальны и ритуальны, поэтому для них часто используются одни и те же языковые средства, стереотипные языковые единицы. Мы постараемся проанализировать то, как некоторые речевые клише функционируют в набирающем популярность жанре видеоизвинения.

Речевые клише небезосновательно постоянно воспроизводятся в одних и тех же коммуникативных ситуациях. Они удобны, готовы к употреблению, соответственно, человеку говорящему не нужно прилагать усилия для поиска другой вербальной формулы. Кроме того, речевые клише отмечены в коллективном сознании носителей языка как подходящие для той или иной ситуации. Поэтому, хоть речевые штампы действительно «шаблонны и стереотипны»², как их характеризуют исследователи, их использование позволяет добиться нужного отклика в силу установившейся уместности.

Причин употребления штампов в речевом акте извинения несколько. Во-первых, это может быть желание затратить минимум усилий для успешной коммуникации. Во-вторых, речевые клише и штампы часто достаточно функциональны. Они экономичны и не предполагают словотворчества, а также традиционно повторяемы. Стоит отметить, что речевые клише в разговорной речи отражают тематическую и ситуационную специфику, поэтому часто «приходятся кстати» [Давкуш, Колосова 2022]. Они автоматизируют процесс воспроизведения и облегчают процесс восприятия информации.

Некоторые ученые разделяют понятия речевого клише и речевого штампа и отмечают, что использование штампов часто немотивировано, стилистически необоснованно и чрезмерно. Кроме того, штамп – единица со стертой экспрессивностью, поэтому часто признается недостатком речи, который используется вследствие отсутствия воображения. Штампы могут представлять собой плеоназмы, а также языковые единицы, несоответствующие стилистической норме. Вместе с тем дифференциация данных понятий применительно к разговорному стилю речи не такая четкая.

² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. С. 197.

Описаны многие дискурсивные штампы как явление отрицательное (юридические штампы, педагогические штампы, штампы в академической речи).

Таким образом, при стилистическом подходе речевые клише и речевые штампы различаются. Мы рассматриваем речевые штампы как разновидность речевых клише со стертой экспрессивностью, используемые говорящим часто принудительно в силу писаных или неписаных правил («так надо») и воспринимаемых слушающим как нечто скучное, банальное, но при этом функционально соответствующее определенному типу дискурса. Речевые штампы могут служить маркерами определенного типа дискурса. Они часто, хотя и необязательно, имеют отношение к канцеляриту. Для речевого акта извинения, например, высказывание: «Это / такое (больше) не повторится», – может рассматриваться как речевой штамп.

Важно понимать, что коммуниктивная цель видеоизвинения направлена на убеждение большого количества людей в невиновности, демонстрацию публичного раскаяния. Стереотипные выражения, называемые ситуационные клише, воспроизводятся механически в определенной речевой ситуации. Можно сказать, они даже обязательны, ведь часто становятся атрибутами определенной интенции.

Публичные видеоизвинения в жанре монолога и диалога

Анализ видеоматериала позволяет предположить, что жанр видеоизвинения в значительной степени ритуализован. Вероятно, использование речевых клише в разных роликах такого типа связано как раз с увеличением частотности и стандартизацией этих роликов. В национальном сознании у аудитории, таким образом, формируется определенный канон публичного извинения.

Жанр публичного видеоизвинения может быть представлен в форме монолога, когда превращается в высказывание или даже исповедь одного человека, или же в форме диалога особого типа, когда собеседник будто «подталкивает» извиняющегося к выбору нужных формулировок. Чаще всего ситуация второго типа предполагает принудительное или вынужденное извинение. В таком случае мы наблюдаем за несколько карикатурным повторением, когда «голос за кадром» задает вопросы и получает четкие ответы. Рассмотрим несколько случаев.

Глава Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина опубликовала в своем Telegram-канале видеоизвинение певца Шарлота. Ранее он сжег свой гражданский паспорт, записав само действие

на видео. Сотрудники Центра по противодействию экстремизму задержали певца в аэропорту Пулково и провели с ним беседу, инициирующую принудительное принесение Шарлотом извинений. Рассмотрим фрагмент беседы:

- По какой причине доставлен сюда, понимаешь?
- Да.
- Назови.
- Осечка в понимании происходящего.
- Что ты сделал?
- Я сжег паспорт.
- Какой паспорт?
- Российской Федерации.
- Зачем ты это сделал?
- Потому что был ошибочно помешан на ложной информации.
- Ты раскаиваешься в содеянном?
- Да. Простите.
- Что-то еще, может, хочешь добавить?
- Я больше так не буду (Екатерина Мизулина. Телеграм-канал. 22.11.2023).

Мы видим, что и Шарлот, и, вероятно, сотрудник, ведущий с ним диалог, используют речевые штампы, характерные для речевого акта извинения («раскаиваться в содеянном», «я большое так не буду»). Ситуация волнения и напряженности побуждает говорящих к выбору наиболее привычных формулировок. Кроме того, штамп «Я больше так не буду» свидетельствует о не совсем искреннем раскаянии, поскольку такие устоявшиеся формулы не предполагают глубокой рефлексии. Кроме того, эта фраза более типична для ребенка, уличенного в провинности, что не вполне подходит взрослому человеку. Судя по реакции в Телеграмм-канале, речевой штамп вызывает отрицательный отклик у аудитории. Это подтверждает наши слова о том, что стандартизированные вербальные выражения не способствуют эффективному коммуникативному акту.

Другой тип видеоизвинения, в форме монолога, проанализируем на примере видеообращения блогера Насти Ивлеевой по поводу проведения вечеринки, которая многим показалась неуместной и вызвала отрицательную реакцию у властей. В своем извинении на камеру Настя Ивлеева также использует речевые штампы: *«прошу дать мне второй шанс»*, *«это крик души»*, *«жаль от всего сердца»* (Анастасия Ивлеева. Телеграм-канал. 24.12.2023). Вероятно, их наличие призвано облегчить процесс коммуникации и добиться расположения аудитории через понятные, привычные речевые

клише. В видео блогер также применяет некоторые речевые тактики, направленные на достижение сочувствия у публики. Во-первых, общение интимизируется: блогер напоминает зрителям о «той старой Настюшке», которую любит и помнит аудитория. Во-вторых, происходит солидаризация с целевой аудиторией: «Я понимаю вашу злость, вашу агрессию – это неприемлемо». Кроме того, в речи присутствуют клише: «Я приношу свои глубочайшие извинения» (Анастасия Ивлеева. Телеграм-канал. 24.12.2023).

Заключение

В статье мы проанализировали некоторые особенности функционирования речевых клише, используемых в речевом акте извинения. Особое внимание было уделено возникновению в рунете видеоизвинений – особого жанра современной сетевой публичности. В будущем предстоит определить, отражает ли появление и развитие этого жанра общие процессы, происходящие в разных сетевых лингвокультурах, либо это специфично именно для русской сетевой лингвокультуры.

Благодарности

Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Acknowledgements

The reported study is funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Телеграм-канал Анастасии Ивлеевой. URL: <https://t.me/ivleeva360>

Телеграм-канал Екатерины Мизулиной. URL: https://t.me/ekaterina_mizulina

Литература

Брагина 2023 – Брагина Н.Г. Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. 2023. № 5 (300). С. 10–15. DOI 10.37632/PI.2023.300.5.001. EDN FEYTMV.

- Давкуш, Колосова 2022 – Давкуш Н.В., Колосова Н.Н. Речевые клише и штампы в профессиональной педагогической речи // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-klishe-i-shtampy-v-professionalnoy-pedagogicheskoy-rechi> (дата обращения: 10 июня 2024).
- Кошкарлова 2021 – Кошкарлова Н.Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. №2 (46). С. 53–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-harakteristi> (дата обращения 27 мая 2024).
- Кошкарлова 2020 – Кошкарлова Н.Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 214–221.
- Савчук и др. 2024 – Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кунецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
- Ратмайр 2018 – Ратмайр Р. Вежливость в русской и австрийской культурах: Мифы и реальность // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 234–245.
- Стексова 2023 – Стексова Т.И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 3 (39). С. 219–228. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228> (дата обращения 11 июня 2024). EDN: JETSCK.
- Трофимова 2008 – Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе: Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
- Searle 1982 – Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 248 p.

References

- Bragina, N.G. (2023), "Speech cliches: aspects of linguistic study", Russian language abroad, no. 5 (300), pp. 10–15, DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001. EDN FEYTMV
- Davkush, N.V. and Kolosova, N.N. «Speech cliché and stamps in professional pedagogical speech», *Issues of modern pedagogical education*, no. 74 (2), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-klishe-i-shtampy-v-professionalnoy-pedagogicheskoy-rech> (Accessed 10 June 2024).
- Koshkarova, N.N. (2020), "Public apology: yesterday, today, tomorrow", Speech genres, no. 3 (27), pp. 214–221.
- Koshkarova, N.N. (2021), "Axiological characteristics of new sensibility discourse. How language reflects the reality", Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, no. 2 (46), pp. 53–68, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-harakteristi> (Accessed 27 May 2024).

- Rathmayr, R. (2018), "Politeness in Russian and Austrian Culture. Myths and Reality", Sharonov, I.A. (ed.), *Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii, Materialy Mezhdunar. nauch. konf., sostoyavsheisya v Institute lingvistik RGGU 23–24. oktyabrya 2018 g* [Politeness and Anti-Politeness in Language and Communication, Proceedings of International Scientific Conference, The Institute of Linguistics in Russian State University for the Humanities], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 234–245.
- Savchuk, S.O., Arkhangelskiy, T.A., Bonch-Osmolovskaya, A.A., Donina O.V., Kuznetsova Yu.N., Lyashevskaya, O.N., Orekhov B.V. and Podryadchikova, M.V. (2024), "Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 7–34, DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
- Searle, J.R. (1982), *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Steksova, T.I. (2023), "Speech genres of negative reaction", *Speech Genres*, vol. 18, no. 3 (39), pp. 219–228, DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228, EDN: JETSK.
- Trofimova, N.A. (2008), *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom disкурсе: Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz: Monografiya* [Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis. A monograph], Izd-vo VVM, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Наталья Г. Брагина, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; natasha_bragina@mail.ru

Елизавета В. Васютина, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; lizavass18@yandex.ru

Information about the authors

Natalia G. Bragina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, Russia, 117485, ; natasha_bragina@mail.ru

Elizaveta V. Vasyutina, postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, Russia, 117485; lizavass18@yandex.ru